Разведка продолжает поиск

Федотов Михаил Николаевич

Особо важное задание

Особо важное задание

1

В конце ноября 1943 года командира разведки Ивана Митрофановича Попова и меня срочно вызвали в штаб отряда. День клонился к вечеру, и мы по пути гадали, почему так неотложно понадобились в Ратьково.

Подъехали к штабу, расседлали лошадей, зашли и доложили о своем прибытии. Макар Филимонович Фидусов кратко изложил, зачем вызвали. Есть приказ комбрига взять «языка», и не где-либо, а в самих Бешенковичах. Комиссар отряда Андрей Григорьевич Семенов тут же вступил в разговор и посоветовал на эту трудную и опасную операцию направить самых надежных и смелых ребят. Начальник штаба Иван Парфенович Щукин потребовал представить подробный план операции завтра утром...

Мы с командиром переглянулись: задача-то ясна, но почему именно из Бешенковичей нужен «язык»? Попов осторожно повел разговор, ссылаясь на то, что Бешенковичи — не наша зона, разведчики не очень хорошо знают местность. Если уж надо «язык», то брать его следует в Улле: он принесет нам больше пользы, чем «язык» из Бешенковичей. Ведь Улла — это, так сказать, наш «родной» гарнизон. Здесь мы знаем каждую тропинку, пути подхода и отхода, да и о противнике известно не все.

Командир отряда глянул на Попова и еще раз повторил:

— Нужен «язык» из Бешенковичей. Это приказ комбрига. Ясно?

Приказ есть приказ.

Смягчая накал разговора, комиссар по-отечески начал:

— Вы знаете, ребята, какие силы гитлеровской армии противостоят нашим войскам на витебском направлении? Здесь держит оборону 3-я танковая армия вермахта под командованием генерал-полковника Рейнгардта. Основной артерией, снабжающей всем необходимым эту огромную силу, является шоссейная дорога Парафьяново — Докшицы — Березино — Лепель — Камень — Бешенковичи — Витебск. Только эта дорога пока что служит танковой армии, хотя она и зажата со всех сторон партизанами. Гитлеровцы ее удерживают изо всех сил — зубами и руками вцепились в нее, потому что иного выхода у них нет. Потеряй магистраль — и они полностью парализованы.

Тут же пояснил нам ситуацию и начальник штаба:

— Шестого октября советские войска заняли Невель и тем самым вбили клин на стыке групп гитлеровских армий «Центр» и «Север», а затем, прорвав оборону

противника под Городком, вышли на территорию нашего родного Сиротинского района. Это около деревень Ровное, Стариновичи и у Старого Сиротина. Железная дорога Витебск — Полоцк находится под постоянным обстрелом нашей артиллерии, да и партизаны часто дают о себе знать. Теперь понятно, почему нужен «язык» из Бешенковичей?

Фидусов подозвал нас к карте, развернутой на столе:

— Взгляните: от Бешенковичей они установили большой гарнизон в Бочейково. Для того, чтобы укрепить эту магистраль и одновременно удержать перекресток дорог на Чашники и Уллу, кстати, хорошо вам знакомых.

Далее Фидусов рассказал, что гитлеровцы разместили в направлении Лепеля крупный гарнизон в Камене. Это также важный узел шоссейных дорог: от него идет вторая ветка на Уллу и сходится с бочейковской в Сокорово, в каких-то десяти километрах от Уллы. Сокоровский гарнизон сильно потрепали местные партизаны и в конце концов выбили оккупантов оттуда. Таким образом, важные участки дороги Бочейково — Улла и Камень — Улла, которые выходят на железнодорожную станцию Ловша, гитлеровцы потеряли. Правда, оккупанты уже четыре раза пытались из Уллы захватить Большие Бортники, а затем вернуть и Сокорово, но пока им это не удалось.

Да, мы знали, что гарнизон в Бочейково несколько раз громили местные бригады — имени В. И. Чапаева и «За Советскую Белоруссию». Последний раз его полностью разнесла бригада «Алексея» (А. Ф. Данукалова). Но гитлеровцы опять (уже в который раз!), не считаясь с большими потерями, восстановили его. Примерно такая же участь постигла и гарнизон в Камене. Еще осенью 1942 года в пух и прах его разбил конный отряд А. К. Флегонтова, двигавшийся в тыл врага из-за линии фронта. Затем этот крупный гарнизон несколько раз громили местные партизаны, но гитлеровцы изо всех сил удерживали его.

— Почему? — продолжил свою мысль командир отряда. — Потому что шоссе для них является дорогой жизни. Теперь вам понятно, почему командование бригады придает такое важное значение Бешенковичам?

Мы с Поповым переглянулись: разъяснения командования отряда раскрыли нам глаза. Постоянно занятые боевыми делами в разных направлениях, мы, естественно, не могли знать этого.

— По данным бригадной разведки, именно в Бешенковичах размещается оперативный отдел штаба 3-й танковой армии, именно там разрабатываются все операции против партизан, а на фронте — против Красной Армии, — заключил Макар Филимонович. — Ваша задача — установить точно, где пребывает командующий танковой армией со своей ставкой-штабом, какие воинские части находятся в Бешенковичах, что они намерены предпринять в ближайшее время.

Фидусов выразительно посмотрел на меня:

— Задание взять «языка» командование отряда возложило на тебя, Федотов. Бери, кого хочешь из своих разведчиков, любое вооружение, но задача должна быть выполнена во что бы то ни стало. Вопросы будут?

Вопросов у нас не было.

2

Тогда мы еще не знали, да и не могли знать, что командование 1-го Прибалтийского фронта и Центральный штаб партизанского движения в декабре 1943 года планировали начать совместную операцию по высадке авиадесантного корпуса на территории Полоцко-Лепельской партизанской зоны, чтобы нанести общий удар сначала по Полоцку, а затем ударить с тыла и по Витебску. Об этом я узнал только после войны. Возможно, задание по захвату «языка» в Бешенковичах связывалось с запланированной в «верхах», но так и не состоявшейся операцией…

На обратном пути из Ратьково мы решили, что для выполнения задания не нужна большая группа людей, но они должны быть надежными. С каждым из наших разведчиков можно было идти на эту операцию, никто из них ни при каких обстоятельствах не подведет. Тем не менее Попов сказал:

— Тебе идти, ты и подбирай. Я только могу порекомендовать Ивана Киреева. Хоть он и небольшого росточка, но верткий и ловкий, проползет, где нужно, сделает все, что потребуется. Такой необходим при захвате «языка». Второй должен быть физически сильным парнем. Чтоб мог любого гитлеровца скрутить и понести на себе. Думаю, для такой цели подойдет Михаил Михайлов. Сильнее его в нашей разведке никого нет. Притом он даже в самой сложной ситуации не растеряется.

Я полностью был согласен с командиром и в первую очередь подумал именно об этих ребятах.

— А третьего, — сказал я, — думаю взять Степана Пашковского. Не раз проверенный на деле разведчик. Главное, хладнокровен, расчетлив в любой обстановке. Кроме того, у него есть какие-то своеобразные способности: незаметно, по-тигриному подкрадываться, по-змеиному подползать, по-рысьи набрасываться на противника.

— Вот видишь, — оживился Иван Митрофанович, — наши с тобой мнения совпали по всем кандидатурам.

Прибыв в расположение разведки, командир распорядился созвать к нему всех, кто был на месте. Когда ребята собрались, Иван Митрофанович поднялся из-за стола, окинул разведчиков внимательным взглядом и сообщил:

— Мы с политруком Федотовым только что получили задание — взять «языка» в Бешенковичах.

На минуту ребята задумались: особенно озадачило и вызвало недоумение то, что «язык» нужен из Бешенковичей. Помкомвзвода Григорий Гусаков задал тот же вопрос, что и мой командир задал Фидусову: почему за «языком» надо идти в Бешенковичи, если его проще захватить в Улле или Фролковичах?

Попов так же, как и командир отряда, правда, без всяких комментариев ответил:

— Обязательно из Бешенковичей. Это — приказ командования бригады.

Все молчали. Молчали и мы с командиром. Каждый осмысливал задание. Потом разведчики стали советовать, каким образом можно успешнее выполнить его. Много было и добровольцев пойти в Бешенковичи.

Иван Митрофанович внимательно выслушивал каждого. Но по его лицу я заметил, что план этой операции у него уже созрел и теперь он старается узнать у разведчиков какие-либо полезные для предстоящего дела детали. Затем Попов поднялся и сказал:

— Задание ответственное, к его выполнению нужно отнестись со всей серьезностью. И хотя Бешенковичи не «наш» гарнизон, разведчики его тоже знают.

Конечно, все помнили, как ровно три месяца назад партизаны разогнали немецкую охрану и уничтожили кирпичный завод, который выпускал продукцию для строительства вражеских укреплений за Витебском. Гитлеровцы сначала оказали сопротивление, затем не выдержали натиска и разбежались. А совсем недавно наши же хлопцы в самих Бешенковичах, как говорится, из-под носа фашистов вывезли целый кожевенный завод с различными химикатами, оборудованием. И даже директора захватили.

— Как видите, не так страшен черт, как его малюют, — сказал Попов. — В сам поселок не так уж трудно проникнуть. Сложнее будет захватить «языка». Еще сложнее выйти с ним из гарнизона. — Он выдержал паузу и добавил: — На выполнение задания пойдут Михайлов, Киреев, Пашковский и политрук Федотов.

Командир одним взглядом дал понять, что это — приказ.

Разведчики, которых назвал Иван Митрофанович, остались в хате, остальные ушли. В деталях мы обсудили план операции, изложили его на бумаге и, немного передохнув, рано утром поехали в Ратьково.

Командование отряда придирчиво рассматривало наш план: много было вопросов и у командира, и у комиссара, и у начальника штаба. В конце концов план они одобрили.

Тем временем Михаил Михайлов, Иван Киреев, Степан Пашковский готовились к операции, продумывали все до мелочей — вплоть до кляпа, веревки, ножей. Подогнали обувь и одежду, проверили оружие, наметили маршрут туда и обратно. Примерно половину пути до Бешенковичей решили ехать на повозках: так быстрее прибудем к месту и сэкономим свои силы.

3

25 ноября 1943 года рано утром на двух повозках мы выехали на задание. Напрямую от Ратьково до Бешенковичей около 30 километров. Из Дыболей отправили повозки назад, а сами переправились на правый берег Уллы. Здесь уже требовалась осторожность: кругом гитлеровские гарнизоны. И действительно, подходя по речке Свечанке к Дуковщине, обнаружили в деревне вражеское гнездо. Это на дальних подступах к Бешенковичам, а ведь вокруг самого городского поселка гарнизоны почти во всех деревнях. Чем же такое вызвано? — гадали мы.

Рассуждая, незаметно приблизились к Пятигорску. Постояли, прислушались, присмотрелись. И вдруг оттуда — пулеметная очередь. Обнаружить себя нельзя ни в коем случае. Значит, и в этой деревне противник.

Когда подошли к Залужью, уже начало темнеть, да и погода выдалась пасмурная. Осторожно подобрались к этой деревне и отчетливо услышали немецкую речь, следовательно, и здесь гарнизон.

Повернули к Дроздам. Эту деревню знали хорошо: в ней приходилось бывать, тут у нас имелись надежные люди. Но, по всей вероятности, и там гитлеровцы прочно обосновались, нужно быть предельно осторожными.

Тихонько переговариваясь, подыскали в кустарнике место для ночлега.

На рассвете все же решили подойти к Дроздам. Деревня одним концом выходила к Западной Двине. Улица прямая, дома добротные, видно, только перед самой войной сюда сселились хуторяне. Осторожно высунулись на край кустарника, и все — как на ладони. Смотрим, из первого дома выбежали гитлеровцы — на зарядку. На бугре возле деревни виднелись небольшой бункер и окопы, а сама высота была изрыта траншеями и ходами сообщения. Да, нелегко будет возвращаться, если фашисты по тревоге поднимут окрестные гарнизоны...

На дневку обосновались в глубине этого же кустарника, так как до Бешенковичей оставалось совсем немного. Медленно и напряженно потянулось время. К вечеру низко опустились облака, пошел мелкий дождик. Как только стемнело, стали пробираться вперед по кустарнику.

Большое дело — натренированность разведчика. Походка у него выработана осторожная, подкрадывающаяся. Под ногами не треснет веточка или сучок, не чавкнет грязь. Такой не оступится в яму или лужу, не отпустит от себя ветку, иначе она хлестнет идущего сзади товарища. Любой разведчик хорошо ориентируется на местности и днем и ночью. У него натренированный слух. По приметам он может определять погоду на завтра.

К полуночи подошли к Мамойкам — это в 5–6 километрах от Бешенковичей. Залегли и внимательно прислушивались, стараясь определить, что делается в деревне. Впереди ни огонька, тщательная светомаскировка и в Бешенковичах. Неожиданно засветились ракеты, затрещали пулеметы. Обычная тактика фашистов — пострелять, чтобы попугать кого-нибудь, и успокоиться.

Посоветовавшись, решили как можно ближе проникнуть к поселку и начать изучение обстановки. Операцию намечали осуществить вечером, как только стемнеет. Но это так намечалось, а как получится, подскажут обстоятельства.

Всю ночь из поселка доносился гул моторов, автомашины двигались в сторону Витебска и обратно. Слышались крики, возня, топот ног, иногда какая-то музыка, пьяные песни.

Когда рассвело, неподалеку от себя мы увидели контрольно-пропускной пункт — будку и шлагбаум. Это на окраине поселка при въезде на шоссе, ведущее на Лепель. По-моему, у всех нас мелькнула одна и та же мысль: именно тут судьба нам взять «языка». Притом какого! Самого что ни на есть полноценного. Потому

что ни один «язык» не может знать того, что знают служащие контрольно-пропускного пункта. По долгу службы они пропускают в гарнизон и выпускают из него автомашины, повозки, солдатские подразделения. Проверяют документы у гражданских лиц, у шоферов и даже у офицеров. На КПП они — полные хозяева. Мы знали из опыта, что на контрольно-пропускных пунктах несут службу одни и те же люди. Значит, и здесь должно быть так.

Недалеко от шлагбаума заметили небольшой бункер — дом, наполовину врытый в землю. Над самой землей на все четыре стороны прорезаны окна-бойницы. Вместо крыши бревенчатый накат, а на нем толстый слой земли. Выходит, одновременно и казарма, и огневая точка — видны дула пулеметов. Однако бункер сейчас меньше нас интересовал. Все свое внимание сосредоточили на пропускном пункте.

За день мы изучили распорядок несения службы на КПП. Командовал здесь унтер-офицер. Сменял он солдат через каждые три часа. Сам приводил их, ставил на пост, давал дополнительный инструктаж и вместе со сменившимися уходил опять в бункер.

Мы переглянулись: это плохо, потому что они постоянно ходят группой. Как же быть? С тремя-четырьмя солдатами во вражеском гарнизоне нам не справиться, если напасть на них во время смены караула. Нет, так нельзя — это приведет к неизбежному провалу операции. Решили ждать случая, ни в коем случае не уходить с этого места.

Наблюдая, установили такие детали: на КПП разговаривали и по-немецки, и по-русски, хотя форма на всех армейская полевая, вооружены автоматами и винтовками, в сумках на поясах висят гранаты с длинными деревянными ручками, ребристый бочонок-противогаз — с другой стороны на боку. Службу свою знают хорошо. У гражданских лиц, проходивших через контрольно-пропускной пункт, один внимательно проверял документы, второй со знанием дела производил обыск, третий стоял в стороне с автоматом на изготовку — в любой момент мог пустить очередь. Военнослужащих не обыскивали, но документы у них проверяли придирчиво.

За время нашего наблюдения прошло три смены. На четвертую заступили те, которые сменились рано утром. Следовательно, всего здесь десять — двенадцать солдат. Свободные от несения службы, по-видимому, отдыхали в самом бункере. Оттуда, когда открывалась дверь, доносились хохот, выкрики, игра на губной гармошке, а однажды по-русски зазвучала песня «Ой ты, Галю, Галю молодая»...

Уже стало невмоготу лежать между сырых кочек, скорчившись в три погибели. Омертвели ноги, сами продрогли, проголодались. Считай, сутки ничего не ели, хотя в каждом вещмешке, спрятанном рядом под кочками, есть сухари и отварная говядина. Но нельзя даже пошевелиться, переговариваемся только жестами и мимикой губ. Хорошо еще, что на КПП нет собак, а то учуяли бы нас, и тогда бы все пропало.

Время близилось к вечеру, когда один солдат вышел из бункера и направился левее нас, к «нашим» кустам. В той стороне, куда он шел, по всей вероятности, отхожее место. Будто по команде, «толкнули» друг друга глазами, взглядом показывая на солдата, возвращавшегося обратно в бункер. Моментально созрел план, где нужно брать «языка».

Начал моросить дождь, затем подул ветер, стал рвать облака. В их разрывах то появлялся, то скрывался узкий серп луны. Ночь обещала быть темной и ветреной — то, что нам надо.

Стемнело. Прекратилось движение автомашин и повозок в сторону Лепеля и обратно. Видимо, партизаны проучили гитлеровцев. А вот со стороны Витебска нескончаемым потоком шли автомашины туда и обратно, правда, с притушенными фарами. Минуло то время, когда фашисты не признавали никакой маскировки! Сейчас боялись наших самолетов. Они часто налетали и бомбили это осиное гнездо. Эх, если бы сейчас налетели и устроили тарарам! Такой шумок был бы нам кстати: под него мы решились бы броситься на бункер КПП и перестрелять фашистов, оставив только одного — «языка».

Вдруг послышался характерный скрип двери бункера, кто-то вышел из него и, подсвечивая себе под ноги фонариком, направился к кустам.

Иван Киреев и Степан Пашковский приготовились к прыжку. Натянулась «нервная пружина» и у меня. «Сейчас все должно решиться в один миг — пан или пропал, — мелькнуло в голове. — Дальше ждать нельзя...»

Как и было заранее распределено между нами, Киреев и Пашковский выдвинулись для рывка. Они должны схватить «языка», скрутить его, сунуть в рот кляп, связать по рукам и ногам и вместе с подоспевшим к ним Михайловым утянуть с собой. Я же обязан прикрывать группу захвата с пленным, если ее обнаружат и станут преследовать.

Не успел я, как говорится, и глазом моргнуть, как возле туалета послышались возня, приглушенный храп, а затем и шелест кустарника. Я понял: группа захвата сработала! Через минуту уловил ее движение у себя за спиной.

Теперь наступила моя очередь — жду погони. Но что это? Молчок, ни звука — у бункера совершенно спокойно. Преследования нет.

Догнал своих. Смотрю: они втроем изо всех сил волокут за собой четвертого. Подниматься еще нельзя, могут заметить с КПП. Теперь как можно быстрее от места, где «наследили».

Тащили мы свой «трофей» и под мышки, и за ноги. Тяжелый попался! Быстрее, быстрее, пока не хватились там, в бункере. Если обнаружат пропажу, в один миг обложат нас, и тогда трудно будет не только уйти с «языком», но и самим ноги унести.

Протянем немного, остановимся, прислушаемся, глотнем воздуха и снова вперед. Кажется, целую вечность тащим пленного, а у нас слева еще только деревня Мамойки — окраина Бешенковичей. Здесь — гарнизон! Отсюда — подальше...

Перевалили большак Бешенковичи — Дуковщина. Остались справа и Дрозды — красивая деревня, упирающаяся улицей в Западную Двину. Взяли направление на Залужье, чтобы возле нее проскочить в большой лесной массив, что тянется по берегу реки. Там можно осмотреться, перевести дух и по лесу двигаться к дому.

Легко сказать — к дому. Мы еще среди вражеских гарнизонов, пока еще не вышли даже в относительно безопасную зону.

— Посмотрите трофей, — шепотом бросаю на ходу своим ребятам. — Может, мертвого тащим...

Приложил ладонь ко лбу пленного: нет, живой, голова теплая, да и сопит.

В это время сзади нас, примерно в том месте, где находился КПП, началась отчаянная стрельба, одна за одной взвились ракеты, и стало видно, как днем. Мы насторожились. Однако стрельба так же внезапно прекратилась, как и началась. На душе поспокойнело: нас пока, видно, не преследуют. Если бы гитлеровцы обнаружили пропажу, не то было бы. Значит, стреляли по привычке — для острастки и самоуспокоения.

В лес, быстрее в лес! Теперь главное скрыться, замести следы.

Темень сплошная, только в гарнизонах взлетали ракеты и потрескивали пулеметные очереди. Наш проход — между Залужьем и Ворохобками — пока свободен. Мы уже были близки к цели, но все же осторожно обошли гарнизон и попали в какое-то болото. Искать обход некогда, и мы двинулись через топь. Ракеты, взлетавшие в гарнизоне, подсвечивали нам путь. Но это же и опасно, нас могли заметить, поэтому мы часто прижимались к кочкам и низкорослым голым кустам.

Наконец болото кончилось. Начался крупный осинник, а затем пошли толстые ели. С километр прошли еще в глубь леса и остановились: нужно передохнуть, осмотреть плененного, привести себя в порядок.

Промокшие до нитки, мы через полчаса так окоченели, что зуб на зуб не попадал. Наш пленник — в одном френче — тоже корчился от холода. Киреев под огромной елью быстро разжег небольшой костер. Сразу стало легче на душе. Немного обогрелись, и невыносимо захотелось есть. А вещмешки-то остались там, у КПП под кочками?..

Пленник крутил головой, извивался, мычал: неудобно, конечно, связанному да еще с кляпом. Мы и его подтянули ближе к костру, Степан вынул кляп и — ужас! Он заговорил по-русски.

— Свой я, не немец. Из бригады Каминского...

Мы опешили: нам-то нужен был немец, а не предатель из бригады такого же предателя Каминского...

Эту «армию» партизаны хорошо знали. Отпетые сволочи, жестокие и беспощадные как к партизанам, так и к мирному населению!

И все же нам требовалось немедленно заполучить от него сведения: кто знает, что произойдет впереди. Пленный показал, что штаб Каминского находится в Лепеле.

— Партизан боимся не только мы, но и немцы, — заискивал перед нами «язык».

Далее он охотно рассказал, что один из полков бригады, в котором служит, специально обучался несению службы на КПП. Солдат знакомили с образцами всех документов, выдаваемых оккупационными властями гражданским и военнослужащим, а также с формами пропусков на перевозимые грузы. Их обучали методам распознавания партизан и связных, приемам, которыми пользуются те, чтобы проникнуть в гитлеровские гарнизоны с целью диверсий, разведки или встреч с подпольщиками. «Контролеров» учили распознавать поддельные документы, правилам и приемам производства обысков тех, кто входил в гарнизон или выходил из него. Преподаватели обращали особое внимание на обыск местного населения. Словом, этот подонок был подготовлен по всем правилам для борьбы с партизанами и подпольщиками. На вопрос, приходилось ли им задерживать на КПП партизан или связных, предатель отвечал уклончиво.

— Участвовал ли ты сам в боях против партизан? — спросил Иван Киреев.

— Да, приходилось. Летом 1943 года наш полк проводил операцию против партизан в деревнях Пышно, на Тартаке и в других местах. Но я всегда был в тылу с ранеными. Правда, иногда подвозил патроны, — мямлил предатель. — А в самих боях не участвовал, нет.

— Много ли войск вермахта в Бешенковичах?

— Много, очень много...

— Точнее, точнее.

— Определенно сказать не могу, потому что через каждые десять дней воинские части меняются. Одни приезжают на отдых, другие уезжают.

— Где находится штаб 3-й армии? — задал я главный вопрос.

Предатель или скрывал, или на самом деле этого не знал.

— Не знаю, — ответил он. — Но штаб тыла в Бешенковичах. Это точно знаю, потому что наша контрольно-пропускная служба подчиняется ему.

— Что намерены гитлеровцы предпринять в ближайшее время на фронте и против партизан?

— Я — солдат и знать мне не положено, — ответил «язык». — Знаю свою службу и все. Больше меня ничего не интересовало...

— А что, за тебя фюрер думает? — зло бросил Степан Пашковский.

Предатель промолчал.

Истинное лицо этого подонка, вся его подноготная нам стала ясна. Как и всякий предатель, он оказался большим трусом, просил и молил сохранить ему жизнь, так как, мол, у него есть дочурка, которую очень жалеет. Он согласен воевать в партизанах, потому что «никогда не любил немцев»... Рассказал и о том, где

родился, учился и работал до войны, как попал в плен, стал предателем. Словом, выложил все.

Забрали мы у него документы, сняли с ремня подсумки с патронами и с наступлением рассвета решили продолжить путь к дому. Боялись, чтобы ночью не заплутать и не выйти на какой-нибудь гарнизон...

Смотрю на своих ребят и вижу: не очень-то они довольны «языком», на лицах написано одно — не стоит овчинка выделки... Но я сам думал по-другому. Этот «язык» не простой. Во-первых, много интересного сообщил о немецкой системе контрольно-пропускной службы, о большой насыщенности войск в Бешенковичах. И главное — о спешном строительстве двух линий обороны. Первая возводилась в районе Островно и по левобережью Западной Двины, вторая — перед Бешенковичами. Это уже глубоко эшелонированная линия обороны, протяженность ее — около 60 километров. Заслуживали также внимания показания о размещении штаба тыла 3-й немецкой танковой армии. Во-вторых, много сведений «язык» сообщил о структуре, численности и вооружении бригады Каминского.

4

Собираясь в путь, предупредили пленного: если сделает хоть один шаг в сторону или крикнет, тут же будет расстрелян. Обстановка требовала такой осторожности и осмотрительности. Ведь мы еще находились в каких-то 3–4 километрах от Бешенковичей, а вокруг вражеские гарнизоны.

Только поднялись, чтобы идти, как впереди раздалась стрельба из пулемета. Тут же, словно в ответ, застрочили автоматы позади нас, в Дроздах, взвились ракеты. Что бы это значило? Мы встревожились. Глянул я на предателя, и мне показалось, что он обрадовался, надеется на спасение. В такой ситуации нельзя спешить, но и медлить опасно. Глазами показал Степану Пашковскому следить за «языком», а для большей надежности связать ему руки.

По лесу продвигались осторожно. Нужно было проскользнуть между Залужьем и Ворохобками, откуда только что доносился пулеметный огонь. Шли редкой цепочкой, плененный — под конвоем Степана — позади нас. Только выбрались на лесную дорогу, как вдруг ударили по нас. Мы залегли: нужно сориентироваться. Но тут сзади раздался крик предателя:

— Сюда-а!

Крик этот потонул в сплошных автоматных очередях. Впереди, на той стороне просеки-дороги, оказалась засада, которая и вела плотный огонь.

Только я высмотрел цель и лихорадочно прикинул, какое принять решение, как ко мне по-пластунски подполз Степан Пашковский. Видно, понял мой вопросительный взгляд, потому что сразу показал жестом руки — резко провел по шее, и я понял: «языка» он успокоил без выстрела...

Молчала засада, притаились и мы. Каждый из нас думал об одном: как выйти из этой западни? Мысленно прокручиваю весь ход поиска, стараюсь понять, где допущен просчет, почему нас обнаружили гитлеровцы и каким образом

незаметно обложили. Мгновенно сверкнула догадка: нас заметила поисковая группа. У нее мало сил, она ждет с минуты на минуту подкрепления. Тогда гитлеровцы начнут проческу этого маленького лесочка — и нам несдобровать! Надо не медлить ни минуты. Прорыв и только прорыв — внезапный, напористый!

Достал «лимонку». Степан догадался о моем решении и тоже сунул руку себе за пазуху. Скосил я глаза влево: вижу Михайлова. Он смотрит на меня и понимает: сейчас пойдем на прорыв, как говорится, штыком и гранатой. Иван Киреев будет бить из автомата. Правильно: ошеломить их и вырваться из окружения, пока не пришло подкрепление.

Степан Пашковский, изловчившись, лежа швырнул гранату. За ним — Михайлов. Все вскочили одновременно. Иван резанул из автомата, а я запоздало бросил свою «лимонку».

Пригнувшись, мы устремились вперед. Пробежали несколько метров. Сзади по нас открыли огонь, но уже не такой плотный. Залегли, заняли оборону: думали, будут преследовать, но — тихо. И мы быстрее от этого места, чтобы еще раз не захлопнулась ловушка.

Остановились на отдых в лесу под Болбечьем. Обсудили все происшедшее. Поспорили. Единодушны были в том, что своевременно вырвались из капкана, устроенного гитлеровцами. По всей вероятности, они все же догадались, куда девался их холуй. Видно, преследователи, хоть и с опозданием, но обнаружили наши следы, особенно там, где волокли «языка». Ночью же преследовать не особенно старались, тем более, что схвачен не их солдат. А лесок, где мы остановились и допрашивали «языка», окружили и ждали подкрепления.

Как бы там ни было, а ценные сведения для командования отряда и бригады мы от «языка» получили. Принесли и трофеи, и личные документы. Все данные, выведанные при допросе «языка», мы с Поповым обобщили, изложили письменно со своими выводами и предположениями.

В сведениях о боевой деятельности бригады за ноябрь 1943 года это отражено кратко и сухо:

«1-й отряд. Разведка гарнизона в Бешенковичах (захват „языка“). Разведка 4 человека под руководством т. Федотова поймала предателя из гарнизона Бешенковичи… Трофеи — одна винтовка, две гранаты, 60 патронов».